

Нельзя не согласиться с В. Г. Адмони, который пишет о поэтике XX в.: «Одна из самых общих черт в совершающихся здесь изменениях — это поляризация структур и доведение до предела, до полного исчерпания потенций, заложенных в соответствующих структурах»⁵. Типологизация преследует именно эту цель. Обнажая игровую природу искусства, она обостряет его амбивалентность. До предела при этом доводятся две диаметрально противоположные (хотя и взаимно связанные) тенденции. Во-первых, максимальное приближение к реальности (при одновременном осознании, что это все же условность). Во-вторых, максимальное усиление условности (при том, что где-то остается весьма ощутимая связь с реальностью). Первый случай дает документальное искусство, второй — эффект остранения (очуждения).

Строго говоря, ни то, ни другое не является изобретением нашего века. Остранение возникло вместе с самим искусством. Документальная проза тоже родилась не вчера. Новизна состоит в том, что эти эстетические феномены были усовершенствованы, предельно выявлены; наполнившись новым ранее интеллектуальным и нравственным содержанием, они определяют теперь художественную атмосферу эпохи.

Андрей Тимофеевич Болотов (1738—1833) писал свои воспоминания на рубеже XVIII и XIX вв. Он предназначал их не для немедленного опубликования, а «для потомков». Полностью они были напечатаны один раз — в 1870—1873 гг. До сих пор на них смотрят главным образом как на исторический источник. Не надо быть пророком, чтобы предсказать им новое рождение — в качестве художественного произведения.

Они подкупают прежде всего красотой слога. Болотов — стилист изумительный, придающий словам особое, прямо-таки музыкальное звучание. Но чтобы зазвучала эта музыка, нужна была дистанция во времени; сто лет назад многое в болотовской прозе выглядело просто как нарушение языковых норм. Для нас это красота архаизма, своего рода остраненная манера письма.

Еще важнее другое обстоятельство. Болотов не связан никакими канонами, господствовавшими в литературе того времени. Единственное, к чему он стремится, — правдиво рассказать, как было дело. Он предельно искренен, не боится выставить себя ни в смешном, ни в неблагоприятном свете. Перед нами человеческий документ, исповедь. Этот архаический вид словесности удивительно современен. Только ранее он числился по ведомству философии и истории, а ныне вошел в состав художественной литературы.

Вот почему нельзя говорить о Болотове, что он был забыт, не оценен и т. д. Должны были утвердиться новые, предельно широкие эстетические принципы, чтобы его проза стала восприниматься как феномен искусства. Болотов действительно писал «для потомков» — для нас, живущих в эпоху художественного универсализма.

Документальность приближает искусство к эмпирическим основам науки. Историческое описание научно в силу своей подлинности, обоснованности источниками. История как наука начала с осознания необходимости повествовать о том, «как было дело». (Слова эти принадлежат и теоретику древней историографии Лукиану, и виднейшему историку XIX в. Ранке.)

В русскую художественную прозу, если я не ошибаюсь, дорогу документальному началу открыл Л. Н. Толстой. В повесть «Хаджи-Мурат» он включил подлинное письмо кавказского наместника Воронцова. Заглядывая вперед, Л. Н. Толстой говорил: «Мне кажется, что со временем вообще перестанут выдумывать художественные произведения. Будет совестно сочинять про какого-нибудь вымышленного Ивана Ивановича или Марью Петровну. Писатели, если они будут, будут не сочинять, а только

⁵ Адмони В. Г. Поэтика и действительность. Л., 1975, с. 7.